

ПРИНЦИП ШУМА, ИЛИ ПРОБЛЕМА ЗВУКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Вершинин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

«Шумим, братец, шумим...»
А.С. Грибоедов. «Горе от ума»

По каким признакам можно судить о кардинальных переменах в обществе? На наш взгляд, стучащие касками шахтеры, религиозные шествия, стрельба на улицах являются яркими примерами того, как изменилась звуковая окружающая среда с советских времен. Это ставит перед социальной теорией новые задачи.

1. *Прежде всего, следует посмотреть на интегральные характеристики социальной жизнедеятельности в теоретической социологии и политологии.* Очевидно, что звуковым аспектам функционирования социума там уделяется мало внимания. Между тем, любой человек и любое общество не могут существовать без производства самых разнообразных звуков. Звуковой ряд во множестве своих проявлений – атрибут жизни каждого индивида. Однако интерес для анализа представляют, прежде всего, те звуки, которые производит индивид в своей социальной жизнедеятельности. Такие звуки – это не только свидетельство самовыражения, но и способ связи индивидов между собой. Почти каждое социальное взаимодействие осуществляется при помощи определенным образом упорядоченных звуков. Эти звуки являются составной частью различных социально-культурных и технических технологий, производятся индивидуально и коллективно, складываются в целые звуковые комплексы.

Идентификация на основе определенной высоты, частоты, последовательности некоего набора звуков служит основанием для объединения индивидов в различные социальные и политические группы, воспроизведения субкультур и культурных традиций. Когда же восприятие звуков

индивидами происходит не в актуально-рефлексивном, а в автоматически-бессознательном аспекте, то возможно говорить о социальном шуме, отходя от его негативных оценок. Шум – это не звуковые сигналы, которые функционально излишни, вредны, которые невозможно опознать, а совокупность известных звуковых знаков и символов, несущих для индивидов определенную смысловую нагрузку. Каждое общество обладает своей культурой шума. Политический, технический, информационный, бытовой и прочие шумы – все это локальные и универсальные звуковые среды, в которых живут и действуют индивиды.

Однако правомерно говорить не только о шуме, но и о тишине, как атрибуте социальности. Традиционное противопоставление тишины и шума как природы и цивилизации было снято экологическими движениями и перенесено в само общество. Тишине было придано социальное измерение, она стала рассматриваться как атрибут определенного типа социальности и как один из важнейших социальных ресурсов (Мы отвлекаемся здесь от вопроса о соотношении тишины и шума в западной и восточной культурных традициях. За рамками анализа остается также вопрос об утопических и сакральных характеристиках тишины – ведь это неперемное условие молитвы, рая, счастья, утопических проектов). Актуальной проблемой на фоне усиливающейся межкультурной коммуникации является соотношение традиционной культурной и актуальной политической традиции шума в России. Борьба за экологическую чистоту общества стала, в частности, и борьбой за тишину. Вместе с тем, общепринятая и прогнозируемая тишина рассматривается – уже не в качестве экологической и культурной, а политической ценности – как признак гармонизированности социальных отношений и свидетельство стабильности общества.

2. *Шум и тишина в советском обществе.* Если брать советское общество, то в нем, как и в любом другом обществе, существовала определенная структуризация звукового социального пространства и времени. Можно попытаться выделить следующие ее характеристики.

Во-первых, это принудительность говорения. Традиционный тезис европейской классической философии о том, что сущность должна являться, был идеологически извращен как раз в звуковом аспекте. Р. Декарт говорил: «Я мыслю, следовательно, я существую». В европейской культурной практике этот принцип был подправлен: «Я говорю, думая, следовательно, я существую». Наконец, в советском обществе этот принцип превратился в жизнеспасительное конформистское утверждение: «я говорю правильно и вовремя – следовательно, я существую». Явить свою сущность индивиду можно и нужно было, постоянно «подавая» голос в необходимых ситуациях в соответствии с приня-

тыми образцами. Это должны были делать все, независимо от социального положения, поэтому существовала определенная иерархия голосов — от голоса Первого лица государства (которое, как правило, не обладало сильными риторическими качествами), и голосов дикторов, вещавших от имени Высшей Инстанции — ЦК КПСС, Совинформбюро и т.д.) до голосов начальников, партийных секретарей и далее вниз по социальной лестнице. Отсюда социальная звуковая жизнь характеризовалась доминированием определенных голосов в различных сферах общества.

Звуковое пространство функционировало в соответствии с определенным ритмом: гудок завода, шум просыпающегося города. (Одним из самых парадоксальных примеров может служить немой фильм немецкого режиссера В. Рутмана «Берлин — симфония большого города» (1927), являющийся непревзойденной до сих пор энциклопедией городского шума.) Официальный шум обладал своим ритмом: на собраниях и митингах обнаруживался, например, символический звуковой обмен: голос-аплодисменты-голос и т.д. Наконец, ритуальность социальной жизни находила свое выражение в ритуальности социального шума — при одобрении или неодобрении, выражении своего мнения или присоединения к другим, обнаружения и развития конфликта и т.д. Утро начиналось сигналами и прямыми трансляциями шумов из столицы, звуки утренней гимнастики сопровождали не одно поколение советских людей. Официальные политические мероприятия ожидаемо сопровождалось различными шумами (съезды и собрания — аплодисментами, криками одобрения и здравиями, демонстрации — праздничным весельем и песнями и т.д.).

Шум выполнял в обществе многообразные функции. Прежде всего, это функция социализации, т.е. вовлечения и приобщения индивидов к деятельности социума (группы). Признание индивидом того или иного шума как совокупности технологически и социально необходимых звуков означало легитимацию социальной реальности. Атомизация индивидов в советском обществе сопровождалась их звуковой «склежкой» — непосредственной и опосредованной, идущей не только сверху, но и снизу. К широко распространенным «инициативам снизу» можно отнести, в частности, магнитофоны в открытых окнах или дошедшую до сегодняшнего дня привычку держать в своей квартире телевизор включенным. Подобное иллюзорное воссоздание присутствия других, преодоление одиночества представляют собой интересный объект для последующего анализа.

Вторая функция — это функция контроля и мобилизации путем синхронизации восприятия и переживания (выбор повестки дня, актуальных проблем и т.д.). Звуковая псевдособорность съездов и собраний оборачивалась звуковой нетерпимостью и воплощалась, в частности, в «аудиовизуальном масс-опослании». Звуки становились знаками своих и чужих: как на официальном, так и на повседневном уровне (что особенно проявлялось в репрессивной музыкальной политике КПСС). Механизмом распространения стандартов социальных шумов являлись СМИ, прежде всего, радио (достаточно вспомнить динамики, которые устанавливались на площадях, улицах и т.д.). Наконец, благодаря шуму возможна сублимация и

каналирование социальных чувств, выпуск стрессовых переживаний, протестных настроений и т.д.

К тишине, в свою очередь, существовало двойственное отношение. С одной стороны, коллективно организованное звуковое пространство старалось изгнать тишину как условие и механизм становления индивидуальности. Тишина с ценностной стороны была вторична по отношению к социальному шуму, это скорее, перерыв, пауза между линиями шумов, а не самостоятельная ценность повседневной жизни. Более того, тишина опасна: ведь она — это неопределенность, это возможность иного, в предельном варианте — чужого (мнения, заговора и т.д.). Соответственно, и молчание опасно: ведь за ним может скрываться возможность собственной позиции или даже оппозиции. Отсюда множество известных приемов принуждения индивидов к проговариванию (например, принудительные праздничные застолья).

С другой стороны, происходила не только коллективизация собственности, но и коллективизация тишины. Тишина — как политико-идеологическая ценность — была безопасна как коллективное и индивидуальное молчание, которое регулируется и контролируется официально-идеологически. Известный призыв власти к бдительности — «Тсс!» — был актуален не только в военные годы, но и в мирное время, находя отклик среди населения при разработке доморощенной кухонной философии, обсуждении запретной темы или чтении недозволенной литературы.

3. *Шум в постсоветском обществе.* Переход к капитализму характеризуется не только отходом от традиционных устоев письменной культуры и возращением роли визуальной культуры, но и серьезным изменением аудиокультуры. Это касается как массовой культуриндустрии, так и новых способов звукового бытия человека в социуме. Период перестройки повлек за собой изменение звуковой среды. Оно проявилось, в частности, в двух тенденциях.

Первая тенденция — это приватизация голоса (шума) и тишины. Исчезновение мегаглаза в виде ЦК КПСС и других авторитарно надзирающих инстанций сопровождалось и исчезновением сопровождавшего его мегаголоса. Как предметы, так и люди начинают говорить своим собственным языком, который не всегда слышен, часто неправивлен и косноязычен. В искусстве исчезают авторские комментарии, зритель и слушатель остается один на один с изображаемой ситуацией, особенно в документальном кино. Шумы различных субкультур (молодежной, криминальной и пр.) получают право на существование и становятся достойным общественности и СМИ. Традиционные виды шумов, прежде всего, политический шум, меняют свою структуру и формы проявления. Например, аплодисменты, сохраняясь как непрменный спутник официальных мероприятий, во многом теряют свой сакрально-авторитарный характер (См.: Руденко В.Н. Мертвые термины: язык периода застоя как средство идеологической техники и социальной терапии / Социемы. 1995, № 4, С. 20-34.).

Коллективизация тишины сменяется ее приватизацией. Речь идет не о «новых русских» и новом «огораживании» социального пространства, создающем комфортные условия существования высшему «классу», а о низших слоях — пенсионе-

рах, безработных, маргиналах и пр. Лишенные возможности приватизировать какое-либо имущество или потерявшие его, они компенсируют это приватизацией тишины. Такая негативная приватизация проявляется в криках, скандалах, коллективных плачах, бесконечных ругательствах. Осваивая подобным образом социальное пространство, они тем самым расширяют подобный способ социальной коммуникации и так преодолевают атомизированность уже постсоветского общества (хотя эта односторонняя связь обречена на провал и отсутствие компетентного ответа).

Вторая тенденция — это индивидуализация звуковой среды. Появляются новые социальные условия, при которых возможно сказать: «Я шумлю по-своему, следовательно, я существую». Стихийность и непредсказуемость индивидуального и группового шума, множество новых звукокомплексов могут трактоваться как свидетельство возрастания степени свободы, но одновременно и как развивающаяся аномия, т.е. произвольное нарушение общих норм и правил. Соответственно и тишина теряет свои идеологические характеристики, превращаясь преимущественно в социально-культурный феномен. С отменой советских практик принудительного и добровольного умолчания, с вовлечением в публичный дискурс всех возможных вопросов, тишина теряет потенциальный ресурс становления «инаковости».

Индивидуализация звуковой среды происходит различными путями. В самом общем виде можно говорить о двух вариантах: пассивном и активном. Пассивный вариант предполагает обособление посредством технического отъединения от окружающих — с помощью наушников, компьютеров и прочих технических средств. Активный вариант предполагает распространение своего частного звукового пространства на окружающих — в форме разговоров по сотовому телефону в общественном транспорте и театре, громкой музыки в доме, машине, парке культуры, на пикнике и т.д. Отвлекаясь от вопроса о наркотическом воздействии громкой музыки на слушателей, отметим агрессивный характер подобного звукового индивидуализма. Непосредственно воспринимаемые индивидуальные и групповые шумовые «оболоч-

ки» (бытовые, официальные, политические и культурные) заставляют поставить вопрос: как расценивать это обособление? Или мы имеем дело с принципиальной звуковой эмиграцией из данного общества — как это можно предположить по отношению к советскому периоду — или же это временный переход в собственную (лично созданную или заимствованную) звуковую нишу? Но если последнее верно, то тогда понятие „нишевого общества« (См., напр.: Weidenfeld W., Korte K-R. Handwoerterbuch zur deutschen Einheit. Bonn, 1991. S. 106.), применявшееся при характеристике социалистического общества, должно быть расширено и применено к постсоветским звуковым реалиям.

Подведем некоторые итоги. Можно говорить о звуковой организации социального пространства и времени, а современное общество характеризовать как арену взаимодействия двух культурных принципов — принципа тишины и принципа шума. В аспекте предложенной постановки проблемы важно подчеркнуть, что феномены социального взаимодействия на микро- и макроуровне следует характеризовать с учетом их аудиохарактеристик и внести коррективы в традиционные социологические и политологические представления. Разве можно представить себе характеристику таких ключевых понятий как «социальное действие», «социальный статус», «социализация», «социальные движения», «социальный конфликт» и т.д. вне их звуковой формы проявления? Соответственно, требуют корректировки глухонемые положения многих социологических концепций. Так, например, кладбищенские характеристики понятия «очевидности жизненного мира» в феноменологической социологии должны быть оживлены. Сделать это можно, в частности, с помощью введения понятия «социальный шум» и последующей его спецификации применительно к различным ситуациям.

С целью более адекватного теоретического анализа советского и постсоветского общества должна быть усилена «чувственная» сторона основных социологических и политологических понятий. Соответственно, и проблема терпимости должна исследоваться с учетом звукового аспекта социальной (межкультурной) коммуникации.